ДЕКОЛОНИАЛЬНЫЙ ПОВОРОТ

От СССР к гражданской войне: как Таджикистан пережил независимость

Сара ЭШКРОФТ

9 сентября 2026, 08:57

Сделать приоритетным в Google

9 сентября Таджикистан отмечает 35-летие независимости. Распад СССР принёс республике суверенитет, но одновременно обернулся политическим и экономическим кризисом, а затем гражданской войной. Азаттык Азия поговорил с Айзеком Скарборо, британским историком советской и имперской истории и доцентом Института истории Лейденского университета в Нидерландах. Он исследует распад СССР, Центральную Азию и Кавказ, а также то, как крах империй влияет на дальнейшее развитие их бывших периферий. Скарборо поделился своим взглядом на то, почему советская система оказалась не готова к исчезновению центра, чем опыт Таджикистана важен для понимания распада СССР и как

наследие имперских отношений с Москвой продолжает влиять на Центральную Азию сегодня.

Гражданская война в Таджикистане

После распада СССР Таджикистан переживал тяжёлый экономический и политический кризис. Вскоре после провозглашения независимости борьба между бывшей советской номенклатурой и оппозицией демократическими, национальными и исламскими силами переросла в открытое противостояние.

На первых прямых президентских выборах в ноябре 1991 года победил бывший руководитель Компартии Таджикистана Рахмон Набиев. Оппозиция оспаривала результаты голосования и обвиняла власти в использовании административного ресурса.

Весной 1992 года массовые протесты и столкновения в Душанбе привели к гражданской войне. Её наиболее интенсивная фаза продолжалась около полугода, но вооружённое противостояние не прекращалось до конца 1996 года.

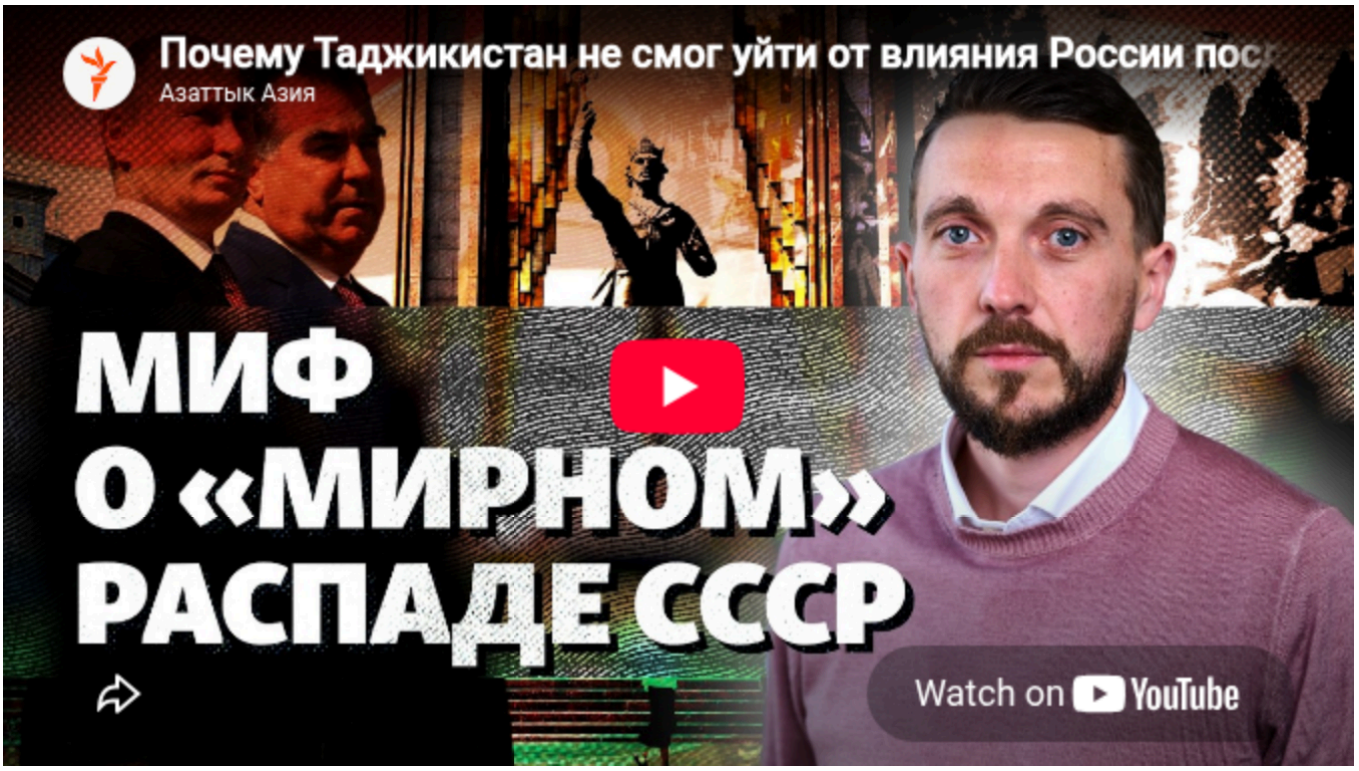
По оценкам международной правозащитной организации Human Rights Watch, погибли более 20 тысяч человек, а некоторые оценки достигают 50 тысяч. Свыше 800 тысяч стали беженцами или внутренне перемещёнными лицами. Переговоры под эгидой ООН начались в 1994 году и завершились 27 июня 1997 года подписанием в Москве соглашения о мире и национальном согласии.

Азаттык Азия: В Европе распад Советского Союза часто изображается как относительно бескровная передача власти, однако ваши исследования о Таджикистане показывают, что этот процесс был гораздо более хаотичным и насильственным. Что опыт этой страны говорит нам о характере распада СССР, в частности в Центральной Азии?

Айзек Скарборо: Я хотел бы ответить на этот вопрос несколько шире. Мне действительно кажется, что опыт распада Советского Союза в Таджикистане весьма показателен для процесса распада во всей Центральной Азии. Но при этом я бы сделал оговорку: во многих отношениях он также отражает то, что мы наблюдали и в других частях Союза, то есть не только в этом регионе.

Но если начать именно с Центральной Азии, то в середине и второй половине 80-х годов в Душанбе, столице Таджикистана, и по всему Таджикистану, по сути, осуществляется навязанная программа реформ. Ее не инициировали в Таджикистане, она не пользовалась там особой поддержкой, однако её приняли, поскольку она исходила из Москвы.

Эта программа включала как экономические, так и политические аспекты и в конечном счёте, к концу 1980-х — началу 1990-х годов, привела к политическому, социальному и экономическому вакууму. Экономика не функционировала, политическая власть уже не могла контролировать порядок на улицах, а люди больше не верили, что власть действует в их интересах или что обещанное им политическое будущее — предполагаемые свободы и грядущие блага будущего коммунизма — когда-либо станет реальностью.



У людей не было больше оснований верить обещаниям советской системы, и они начали обращаться к популистским политикам. Например, к группе, известной в Таджикистане как «Растохез», к Демократической партии Таджикистана и другим силам, которые предлагали альтернативные модели — представления о том, как могло бы функционировать государство, если бы оно больше не управлялось фактически советской, российской или имперской властью — как бы вы это ни называли.

Этот вакуум власти в сочетании с появлением популистских сил затем приводит к полному разрушению порядка и насилию. В Таджикистане мы видим это в чрезвычайно острой форме - гражданской войне.

Но в той или иной степени мы наблюдаем это и в таких местах, как Ферганская долина в Узбекистане, во время беспорядков в Оше и различных выступлений в Кыргызстане. Мы видим насилие — менее выраженное — в Ашхабаде и Небит-Даге, который сегодня называется Балканабад, а также в нескольких других городах Туркменистана.

Таким образом, насилие низкой интенсивности, нарушение порядка, растущие разочарование и неудовлетворённость общественным устройством были характерны для всей Центральной Азии. В Таджикистане всё это вылилось в наиболее крайнюю форму насилия, однако причины происходившего можно увидеть во всём регионе.

В то же время, как мне кажется, в тот же период — с конца 1980-х до 1991–1992 годов — мы наблюдаем множество похожих примеров, например на Кавказе. Мы знаем, что к 1992 году между Арменией и Азербайджаном уже идёт полномасштабная международная война. В Чечне фактически возникает мятежная территория, которая к началу 1990-х превращается в независимое государство Ичкерия. И все эти процессы происходят на одном и том же фоне.

Мы можем проследить это и на примере событий в Молдове, и даже на примере менее известных событий, таких как насильственные протесты, подавленные в Минске в конце 1980-х годов. То есть схожая экономическая и социальная среда существовала во многих частях Советского Союза.

И я считаю, что очень важно обращать внимание на эти вещи, поскольку именно через такой опыт прошли многие люди, жившие в тот период и затем вступившие в 1990-е годы уже как граждане Таджикистана, Молдовы, России и множества других постсоветских государств.

Азаттык Азия: Можно ли сказать, что некоторые из этих проблем, с которыми столкнулся Таджикистан и, шире, Центральная Азия, уходили корнями в сам советский режим или даже в более раннюю российскую колонизацию Центральной Азии?

Айзек Скарборо: Их определённо можно связать с общественным устройством и политическим режимом, созданными при Советском Союзе. Это была в значительной степени иерархическая система, предназначенная для обслуживания политических и экономических потребностей Москвы.

В колониальных или имперских державах часто приходится искать баланс между обеспечением потребностей местного населения — причём здесь следует также различать местное население, жившее на этой территории до имперского завоевания, и людей, прибывших туда в результате этого завоевания.

В случае Таджикистана мы видим это особенно ясно: Душанбе и большинство крупных городов, возможно, за исключением Худжанда, были в значительной степени русскоязычными. Они во многом формировались вокруг прибывшего

населения, которое в случае Таджикистана почти полностью приехало туда уже после образования СССР в 1924 году.

Этим людям необходимо было предоставлять соответствующие услуги. Государство стремилось обеспечивать ресурсами это прибывшее население — колонистов, если хотите, или переселённое империей население. Побочным результатом было то, что государство одновременно предоставляло ресурсы и расширяло доступ к материальным благам для населения в целом, включая, в более строгом смысле, местное население.

Но эти расходы должны были сопоставляться с выгодами для имперского центра. Сколько ценностей Москва в данном случае могла извлечь из центральноазиатских территорий? В конечном счёте баланс всегда должен был складываться в пользу Москвы. Если представить себе бухгалтерский баланс, выгоды должны были превышать издержки.

В результате в таком месте, как Таджикистан, вся экономика строится вокруг монокультуры хлопка, поскольку именно такое производство считалось наиболее эффективным для данной территории. Позднее развивается производство алюминия благодаря низкой стоимости гидроэлектроэнергии в республике и так далее.

Но всё это не было направлено на то, чтобы подтянуть республику до общего уровня. Официальная риторика Советского Союза утверждала, что экономика СССР должна была «выровнять», то есть уравнять результаты развития всех республик. Но на практике происходило иначе. Ценности изымались с периферии и перемещались в центр.

Одновременно это означало, что местная политическая система также должна была, по существу, подчиняться Коммунистической партии в Москве и правительству СССР в Москве, а местная республиканская автономия в целом не поощрялась.

К 1970–1980-м годам, особенно в Таджикистане, Коммунистическая партия Таджикистана была чрезвычайно заинтересована в следовании московской линии. Для неё было очень важно сохранять хорошую репутацию в Москве и делать всё, что предписывал Центральный комитет Коммунистической партии в Москве. Причин этому было несколько.

Во-первых, от этого зависела политическая карьера партийных руководителей. Во-вторых, получить ресурсы можно было только через Москву, а доступные ресурсы в самом Таджикистане были весьма ограниченными. В-третьих, карьера многих

людей была связана с долгосрочными перспективами: возможно, они могли перейти на работу в министерство или получить другую должность в Москве.

В начале 1990-х мы также видим, что многие сотрудники служб безопасности Таджикистана переезжают в Москву и после реформ начала 1990-х поступают на службу в ФСБ.

Всё это вместе создаёт политическую среду, которая очень плохо приспособлена к тому, чтобы самостоятельно определять собственные политические приоритеты и реализовывать их без своего рода надзора со стороны имперского центра.

Поскольку Таджикистан занимал положение относительно бедной ресурсами и экономически слаборазвитой республики, степень его подчинённости Центральному комитету в Москве была выше. В других республиках мы видим меньшую зависимость и большую самостоятельность, особенно если сравнивать с Прибалтикой.

Есть очень интересные работы Саулюса Крупавичюса о литовском Центральном комитете и Коммунистической партии Литвы. Если сравнить то, как Коммунистическая партия Литвы взаимодействовала с Москвой, с тем, что я наблюдал в Коммунистической партии Таджикистана, мы увидим две очень небольшие республики, которые в совокупных экономических показателях не относились к наиболее значимым, однако ситуация в Литве была совершенно иной.

У них был совершенно другой подход — отчасти из-за иной истории собственной государственности, отчасти из-за другого уровня экономического развития, отчасти благодаря возможности в меньшей степени зависеть от Москвы.

Но в таких местах, как Таджикистан, сама идея независимого государства, функционирующего без имперского центра, примерно в 1991–1992 годах, как мне кажется, практически не имела смысла для руководства страны.

Поэтому то, что произошло впоследствии, их неспособность справиться с распадом и с новым порядком, возникавшим из пепла СССР, безусловно связано с опытом имперского контроля в Советском Союзе.

Азаттык Азия: А как, по-вашему, такого рода имперские отношения между Россией и Таджикистаном — и, шире, Центральной Азией — трансформировались к сегодняшнему дню? Несмотря на провозглашение независимости Таджикистана в 1991 году, думаю, можно с уверенностью сказать, что российское влияние там по-прежнему сохраняется. Как вы видите эту трансформацию?

Айзек Скарборо: Я думаю, что после 1991 года в Центральной Азии можно наблюдать разную степень зависимости или независимости от России. Во многом это связано с тем, какие из бывших советских государств Центральной Азии сумели создать для себя экономическое пространство, не зависящее от России.

В качестве примера я бы привёл Туркменистан. Если посмотреть на период с 1990-х до начала 2000-х годов, то, несмотря на официально провозглашённый Туркменистаном нейтралитет и несмотря на то, что на уровне риторики он позиционировал себя как государство, не имеющее союзников и жёстких двусторонних связей, в действительности он очень сильно зависел от России.

Он в значительной степени зависел от России в вопросах безопасности и от российского геополитического «зонтика безопасности». Он также зависел от России экономически, поскольку почти весь его природный газ и нефть транспортировались по российским трубопроводам.

После 2008–2009 годов произошла серия споров между «Газпромом» и туркменскими газовыми властями, которые в конечном счёте привели к заключению широко известного соглашения, по которому китайское правительство согласилось финансировать строительство нового газопровода. С тех пор по нему в Китай направляется 90–95 процентов всего добываемого в Туркменистане газа, фактически полностью в обход российских газопроводов.

Это изменило возможности Туркменистана. Теперь его геополитические отношения с Россией далеко не настолько тесные. Он значительно меньше связан с Россией в вопросах безопасности или представлений о «зонтике безопасности». Через ШОС он в большей степени связан с Китаем и другими региональными межправительственными организациями. Можно увидеть своего рода сдвиг.

В случае Таджикистана не было ни достаточных внутренних ресурсов, на которые государство могло бы опереться, помимо трудовой миграции, ни готовности или способности государственных структур задуматься о развитии экономики по модели, не предусматривающей трудовую миграцию. Поэтому существенных изменений в экономических и политических отношениях с Россией не произошло.

В 1990-е годы масштабной трудовой миграции ещё не было, однако Россия оказывала значительное непосредственное влияние на поздних этапах гражданской войны — в вопросах обеспечения безопасности, в вопросах границы с Афганистаном. То есть российское влияние было весьма непосредственным.

Начиная с 2000-х годов усиливается трудовая миграция в Россию. Сотни тысяч таджикских работников в каждый конкретный момент времени работают в России, и их денежные переводы составляют весьма значительную часть экономики Таджикистана. Это прямым образом влияет на таджикскую экономику и продолжается по сей день, несмотря на сокращение числа работников во время пандемии COVID-19 и теперь, в период войны в Украине.

Таким образом, произошла определённая трансформация: у нас есть независимые государства, на бумаге они суверенны, независимы, однако мы видим, что Россия по-прежнему способна в той или иной степени оказывать на них влияние.

Если сравнивать Таджикистан с другими государствами Центральной Азии, то в этих отношениях всё ещё присутствует элемент контроля и зависимости.

Несколько лет назад в Астане произошёл очень интересный эпизод, когда Эмомали Рахмон, президент Таджикистана, фактически публично высказал Владимиру Путину претензии по поводу характера отношений между Россией и Таджикистаном, которые он, по существу, охарактеризовал как имперские.

Самого слова «имперские» он не употребил, однако использовал лексику, связанную с колониализмом, описывая то, как Россия извлекала ресурсы из Таджикистана в советский период в форме хлопка и продолжает извлекать ресурсы в форме трудовой миграции, а также говоря об эксплуататорском отношении, которое Россия зачастую проявляет к трудовым мигрантам.

И Рахмон впервые — я имею в виду, что этот человек находится у власти уже десятилетиями — открыто заявил, что это, понимаете, эксплуататорские отношения и что они на самом деле не являются отношениями между равноправными независимыми государствами.

Но, думаю, показательно и то, что, насколько мне известно, это был единственный случай, когда Рахмон сказал нечто подобное, и с тех пор он этого не повторял. Поэтому мы по-прежнему наблюдаем весьма выраженную иерархию в отношениях между этими государствами.

Азаттык Азия: Если говорить шире, почему, по-вашему, изучение Таджикистана и Центральной Азии как части истории распада Советского Союза настолько важно, особенно если речь идёт о необходимости поставить под сомнение распространённое в Европе представление о более мирной или бескровной передаче власти?

Айзек Скарборо: Я думаю, одна из вещей, которую мы часто упускаем из виду при изучении Советского Союза или многих крупных империй XX века, заключается в том, что большая часть империи находится совершенно за пределами метрополии. Во многих случаях эти территории даже географически не связаны с метрополией.

Советская империя, как и Российская империя, несколько отличается от стандартной европейской империи тем, что её территория была непрерывной. Существовал единый физический массив суши, соединявший все эти территории.

Советский Союз представлял собой огромное пространство. 150–180 миллионов человек — в зависимости от того, какие республики мы здесь учитываем. И абсолютное большинство населения не жило в крупных европейских городах, на которых мы привыкли сосредоточивать внимание. Эти люди не жили в Москве, Ленинграде, Таллине или Киеве. Их жизненный опыт не соответствовал тому, как он описывается в большинстве исторических работ на Западе.

Понятно, почему история написана именно таким образом: исследователи опирались на мемуары политиков центрального уровня, на воспоминания политиков и лидеров независимых государств, которые гораздо более позитивно оценивали распад СССР и подчёркивали такие явления, как демократизация и развитие политического участия в 1990-е годы в России и Украине и, безусловно, в странах Балтии и так далее.

Однако тем самым они невольно сделали акцент на опыте небольшого меньшинства людей и упустили из виду опыт десятков миллионов, живших, скажем, на российском Дальнем Востоке, в Казахстане, Узбекистане, Таджикистане, на Кавказе и во многих других местах, где конец 1980-х и начало 1990-х годов были совсем не приятным периодом.

1990-е годы в целом на всём пространстве бывшего Советского Союза не следует вспоминать как благополучное время, и подавляющее большинство людей, переживших этот период, действительно не вспоминают его как благополучный.

Однако вместо того, чтобы изучать этот опыт, мы обращаем внимание на программы реформ, на намерения таких людей, как Михаил Горбачёв или Александр Яковлев, которые хотели реформировать систему и во многих случаях действительно руководствовались благими намерениями. Это тоже не следует отрицать.

Но, рассматривая программу такой, какой она была разработана в центре, в метрополии, вместо того чтобы смотреть на то, как она реализовывалась на

периферии, мы теряем из виду то, что происходило в действительности. А происходили, к сожалению, экономический упадок и насилие.

Поэтому такие места, как Таджикистан, вовсе не являются каким-то исключением, которое не отражает общей картины. Напротив, я считаю, что именно Таджикистан и подобные ему случаи демонстрируют весь спектр негативных последствий, которые начали проявляться после 1987 года и особенно ярко — после 1989-го.

This item is part of

Центральная Азия | Темы дня | Таджикистан | Деколониальный поворот

Азаттык Азия © 2026 RFE/RL, Inc. | Все права защищены.